

ГЛАВА 1

Алексей от смущения растерялся и не знал, что сказать. Ничего не идет на ум, когда на тебя смотрят два десятка глаз, пускай в полутьме, но он кожей чувствовал их напряженное внимание.

В бою проще. За три года войны молодой лейтенант, теперь уже командир танковой роты в десять боевых единиц, научился заглушать страх, не замечать комок в горле, отдавать приказы, не думая о тех, кто уже их не слышит, догорая в подбитом танке. Поэтому в неформальной обстановке так оказалось трудно молодому ротному найти правильные слова. Ведь он младше большей части всех, кто сейчас замер в вагоне-теплушке, терпеливо ожидая слова поздравления от своего командира. Лейтенант Алексей Соколов уже год как был назначен командовать танковой ротой — десять «тридцать-четверок» и больше тридцати человек рядового

состава, и это в двадцать пять лет, почти сразу после окончания танковой школы. Только боевые заслуги и звания дались ему не просто так, каждый километр военных дорог отмечен страшными сражениями, из которых он сумел выйти живым благодаря мужеству и умению мыслить тактически. И не он один. Любимый экипаж прошел с ним все три года войны, не потеряв верный Т-34 по прозвищу «Зверобой», и тоже остался жив. И вместе с командирским экипажем шли сражаться с армией фашистов танковые отделения, веря в победу, веря в своего командира.

Только вот сейчас Алексей стоит, зажав в руке металлическую фляжку с «боевыми» ста граммами, и никак не может найти важные слова, чтобы поздравить своих бойцов с праздником. Сегодня Новый год, прямо сейчас стрелки на Спасской башне коснулись цифры двенадцать, а здесь, на фронте, весь вагон замер в ожидании чуда, которое, возможно, случится в новом году. Чудо как в сказке, чтобы злодей был наказан, а добро победило. И Алексей вдруг понял, что они действительно, как дети, ждут чуда, только должны это чудо совершить сами, своими руками, своим оружием и техникой. И он, выдохнув, звонко сказал:

БЕССМЕРТНЫЙ ЭШЕЛОН

— За победу, товарищи! За то, чтобы в новом году мы одолели проклятого Гитлера с его армией и освободили нашу страну! За мирную жизнь!

По вагону прокатилось дружное «ура», раздался металлический звук от чоканья фляжек со спиртом. Разомлевшие от тепла, еды, выпивки, танкисты сидели, окружив самодельную печурку. Они пускали по кругу нехитрую закуску — котелок с консервами и сухари. Пошли разговоры о мирной жизни, о родных и любимых, что ждали в тылу.

Коля Бочкин, заряжающий командирского экипажа, захмелевший и румяный после непривычной ему выпивки, показывал фотографию милостивой девушки:

— Вот, невеста меня ждет, Лиза, в консерватории учится. С концертами на фронте выступает!

— Ух ты, артистка!

— Красавица! Повезло тебе, парень!

Со всех сторон понеслись одобрителльные возгласы.

— Вернусь домой и сразу женюсь! — смело заявил Колька и с чувством чмокнул помятый снимок.

Старшина Василий Иванович Логунов, командир танка и наводчик командирского экипажа, по-отечески заботливо приобнял раз-

бушевавшего парнишку. Привык он заботиться о Кольке, все три года опекая и в бою, и во время затишья двадцатилетнего неопытного ефрейтора. Но делал он так не только потому, что как командир экипажа отвечал за жизнь каждого из своих подчиненных, да и по сравнению с остальными членами танкового отделения обладал немалым военным опытом: он участвовал в Финской войне и был награжден за военные действия при прорыве линии Маннергейма. Военный опыт и широкая душа помогали сибирскому богатырю заботиться словом и делом о боевых товарищах. Но к Кольке у него было особенное отношение, парнишка, можно сказать, был его названным сыном. Логунова и Бочкина призвали в танковые войска из одной деревни из-под Омска, где еще до войны у Василия начался роман с местной красавицей Любой Бочкиной. И успел бы добродушный и честный Василий жениться на своей возлюбленной, если бы не упрямство и сопротивление ее сына — Николая. Только оказавшись на войне в одном танке, пройдя через ужасы боев, Колька понял, как был неправ, устраивая матери скандалы, не желая принимать отчима в семью. И за три года войны тот стал ему настоящим отцом, роднее любого человека на земле. Вот и сейчас, заметив,

что парнишка от усталости и непривычной для него выпивки быстро опьянел, Василий мягко приобнял его за плечи и потянул к самодельным нарам вдоль стен, где уже были приготовлены из шинелей мягкие постели. Колька покорно шлепнулся на самодельную лежанку, протянул еще раз задиристо:

— Приеду, и сразу свадьбу сыграем!

— Сыграем, сыграем, спи пока! — рассмеялся в усы Логунов, умиляясь задору пасынка, представив, как он будет гулять на Колькиной свадьбе.

Каждый в этой теплушке, что стремительно везла их в сторону Финского залива, к подступам фашистского кольца вокруг Ленинграда, мечтал погулять на свадьбе боевого товарища, взять на руки своих детей, обнять жену или родителей. И разговоры о мирной жизни не утихали.

— Гитлер и его армия — зло страшное, единственная радость в том, что жену свою встретил на войне. Если бы не эта случайная встреча, то так и остался бы бобылем до конца жизни, — покачал головой Семен Михайлович Бабенко, механик-водитель командирского танка.

Бывший инженер-испытатель, интеллигентный пожилой мужчина, он разительно выделялся из рядового состава танковой роты своими

неармейскими манерами, привычкой говорить и думать размеренно. Он повернулся к своему ротному с вопросом:

— Парадоксально, Алексей Иванович, не правда ли? Смерть, разруха, горе человеческое, все это мы каждый день видим, но так хочется любить и быть любимым...

— Да, мне мысль о моей любимой помогает, я за нее сражаюсь. Бабушка и родители умерли, с войны меня ждет только моя невеста Оля. И я каждый день об этом помню, — от теплой уютной темноты на Соколова накатила ватная усталость, только он стеснялся прервать общий праздник, бросить товарищей и окунуться наконец в глубокий сон, улегшись на самодельном настиле.

Чуткий Бабенко сразу заметил, что молодой командир почти падает от усталости, через силу разделяя общую радость праздника. Сержант откашлялся, пихнул Логунова в бок — посмотри, расходиться пора, парни с ног валяются, а завтра уже ждет бой или марш-бросок, нужно побереечь силы. Василий Иванович, как всегда, без слов понял боевого друга, в знак согласия кивнул и загудел мощным басом:

— Ну что, ребятки, на боковую пора, завтра прибываем поутру и на построение.

БЕССМЕРТНЫЙ ЭШЕЛОН

Заботливый Бабенко кивнул на крайнюю лежанку:

— Алексей Иванович, укладывайтесь, я приготовил все, даже сено нашлось, так что спать будете, как в младенец в люльке.

— Спасибо, — только и смог прошептать Соколов.

Едва вытянувшись на лежанке, парень крепко заснул. Последние недели давались молодому танкисту тяжело — долгие бои, освобождение пленных из концлагеря в Белоруссии, а потом вдруг неожиданный приказ о срочной передислокации на Ленинградский фронт для участия в готовящейся военной операции «Нева-2» по освобождению блокадного города. Хотя и действовала Дорога жизни — узкий коридор, по которому в осажденный город поступало продовольственное снабжение, а обратно получалось вывозить людей, но удерживать пробитый через блокадное кольцо проход удавалось тяжело, ценою больших усилий. А немцы при этом видели вторую столицу СССР в бинокль со своих позиций, каждый день устраивая воздушные налеты и разрушая город тысячами бомб. 18-я армия группы армий «Север» стояла несокрушимой стеной по линии Петергоф — Стрельна, отражая все попытки прорвать немецкую оборону. И теперь Верховная

ставка отдала приказ усилить советские военные соединения и освободить город, сломив сопротивление армии Гитлера. После битвы под Сталинградом наступил перелом, и теперь Красная армия наступала, пускай медленно, с большими потерями, но каждый день возвращая километры своей территории, а армия вермахта отступала все дальше к границам Европы. Для укрепления советских позиций у Ленинграда стягивали воинские соединения со всех фронтов по стране. Поэтому в сторону Финского залива двигался сейчас состав из теплушек для членов танковых отделений и платформ для легендарных бронированных машин Т-34.

В вагоне после приказа «отбой» остальные танкисты разделились: кто-то остался у теплой печурки шепотом вести разговоры, кто-то с удовольствием улегся на деревянных нарах, приколоченных к стенкам вагона. После многочасовых ночевок под открытым небом, в окопах, залитых по колено водой, в тесном брюхе танка или среди разбомбленных останков жилых домов выспаться в тепле на мягкой шинели с крышей над головой под убаюкивающий перестук колес поезда было чудесным подарком в новогоднюю ночь.

БЕССМЕРТНЫЙ ЭШЕЛОН

Только Руслан Омаев, радиотелеграфист-пулеметчик командирского экипажа, так и просидел весь праздничный вечер в стороне от веселящихся людей. Из-за разговоров о мирной жизни, свадьбе на душе у него стало невыносимо больно, до горячих слез из глаз. Его невеста, санинструктор Людмила, в самом начале войны погибла от осколка немецкой бомбы. Произошло это прямо на глазах младшего сержанта. Того штурмовика он сбил из винтовки, но любимая истекла кровью от осколочного ранения. С тех пор в сердце Руслана поселилась ненависть к фашистам, которая помогала ему отчаянно драться в каждом бою, но причиняла безумную боль в мирные минуты. Гордый чеченец, отважный боец, ловкий разведчик не привык никому показывать свое горе, поэтому он, свернувшись калачиком, тихо лежал в темноте самого дальнего угла в вагоне. Вдруг рядом шевельнулась тень, и он понял, что притаился в спасительной тени не один. Сконфуженный парнишка с безусым круглым лицом откашлялся и, не зная, как начать разговор, представился:

— Ефрейтор Тенкель, — дернул он руку к голове и тут же ойкнул, вспомнив об отсутствии головного убора. Помолчав секунду, робко добавил: — Можно просто Марк.

— А я Руслан, — кивнул чеченец.

— Я знаю, я про вас слышал, нам в танковой школе про вас рассказывали. Знаменитый экипаж лейтенанта Соколова, герои танковых сражений. Я поэтому дядю упросил приказом к вам прикомандировать, в вашу роту. Ой, — снова смутился парнишка, поняв, что сболтнул лишнее.

— Ты что, племянник полковника Тенкеля? — удивился сообразительный Омаев. Он сразу вспомнил фамилию их недавнего командира.

Отважный и стремительный Абрам Матвеевич Тенкель был командиром первой гвардейской танковой бригады Первой танковой армии. Под его руководством экипаж Т-34 под номером 007 сражался на Белорусском фронте буквально неделю назад, а теперь вот был отправлен по железной дороге в центр страны, в самое ее сердце, освобождать плененный город. От громкого восклицания Руслана его собеседник поспешно замахал руками:

— Не рассказывайте только никому, прошу вас! Я даже хотел под чужой фамилией служить, чтобы не относились, ну, понимаете... как к племяннику полковника. Мне этого не нужно, я воевать хочу, и мне надо обязательно

БЕССМЕРТНЫЙ ЭШЕЛОН

в Ленинград. Мы с моими друзьями из танковой школы все к вам попросились в роту, чтобы немцев разгромить и освободить жителей города. Мы вместе будем воевать в одном танке, ребята знают, что я хороший стрелок, лучше всех на полигоне наводку давал. И водить машину умею. Вы не подумайте, я не хвастаюсь, — горячо шептал Марк. — Это я просто, ну... чтобы вы не подумали, что все из-за дяди. Он не хотел меня отпускать, ведь у него вся семья погибла, только я остался и мои брат с сестренкой, — парнишка помедлил и, вздохнув, продолжил: — После окончания восьмого класса я на каникулах поехал к родне в Кишинев, чтобы отдохнуть, и тут началась война. До Кишинева я не добрался, попал под бомбежку, потом в госпитале лежал. А когда вышел, узнал, что вся наша родня погибла, немцы расстреляли при оккупации. Прабабушку Сару, тетю Изольду, прадедушку Мотю... всех... семьдесят человек. Мама погибла при бомбежке Ленинграда, отца немецкий штурмовик подбил, бабушка отправила мне последнее письмо год назад, и я не знаю с тех пор, живы ли Софа с Минькой, мои брат с сестрой. Поэтому дядя Абрам не хотел меня отпускать, разрешил лишь только из-за Софы с Мишей. Я должен освободить город

и найти их. Я Софу видел, когда ей было всего лишь два года. Она совсем малышка, я должен их освободить, — в голосе у парнишки вдруг прорвались рыдания, и он затих.

Руслан сжал рукав новенькой необмятой гимнастерки:

— Послушай, Марк, ты один город не сможешь освободить. Но нас много, понял? Целая армия танков и танкистов! И мы одолеем немца, будем биться до последнего, хоть голыми руками. Вот смотри! — В темноте сверкнул серебром металл. — Мой дед в Первую мировую им многих врагов убил и мне передал, чтобы я за нашу страну сражался, за каждого мирного жителя. Кончатся снаряды, мы зубами, руками будем рвать врага, но город освободим. Хоть Гитлер лично пускай на самолете прилетает, ему уже ничего не поможет, мы фашистов с нашей земли давно гоним в полную силу.

Марк от поддержки Омаева облегченно вздохнул, ведь никому не признаешься, как страшно перед первым боем: ни дяде, ни командиру, ни товарищам по танковому отделению, а вот этому худенькому парню со смелым взглядом он и сам не заметил, как выложил все терзающие его страхи. От его горячей уверенности в победе и сам Марк почувствовал, как изнутри

рвется волна злости и боевого азарта — нанести такой удар по немцам, чтобы они бежали из оккупированной страны как можно быстрее.

— Нам в танковой школе на политзанятии рассказывали о линии «Пантера». Она идет от Идрицы по реке Великой, озерам Псковскому и Чудскому к реке Нарве, а дальше до Балтийского моря. Гитлер пригнал туда все мирное население на трудовые работы, строят ДЗОТы, ДОТы, проволочные заграждения, противотанковые рвы, полевые укрепления. Укрепляют свои позиции, боятся нашего наступления. Если мы прорвем оборону, командование немецкой армии планирует территорию затопить. Представляете, они готовятся уничтожить всех, кто там живет — детей, стариков, женщин. Это же сотни тысяч невинных людей!

Руслан упрямо покачал головой:

— Наш командир придумает, как эту линию разгромить. Не из таких передраг выходили. У немцев техника, а у нас отвага и смекалка. И лучшие в мире танки Т-34! Их немцы знаешь как боятся. У нас и скорость, и маневренность, и пушка мощная. А еще отремонтировать можно прямо в поле! Не то что эти увальни «тигры». Видел я их. Еле ворочаются, пушка, может, и мощная, но пока он повернется, мы за это

время успевали выстрелить и в укрытие уйти. Да и подвеска слабая у них, даже стрелять не надо, так на марше дохнут. А шахматные гусеницы, они ж от грязи встают колом!

Руслан еще долго описывал слабости немецких машин, рассказывая, куда надо бить, из-за чего ломаются новые модели танковой армии вермахта. Марк ловил каждое слово опытного танкиста, глаза его горели огнем, он жаждал как можно быстрее вступить в бой, рвался к победе!

Разговоры в вагоне совсем затихли, каждый танкист нашел себе местечко, чтобы передохнуть в последнюю ночь перед конечной станцией. В тишине только раздавался храп, тихие стоны или вскрики спящих. Даже во сне война не отпускала людей, приходила в ночных кошмарах.

— А у вас есть невеста? — задал вопрос любопытный Марк.

— Погибла, — коротко ответил Руслан. — У меня теперь наша «тридцатьчетверка» вместо любимой девушки. Я так переживал, когда ее пришлось на время оставить в лесу в сугробе. Не могли после операции выбраться с вражеской территории, горючка закончилась, пришлось спрятать машину в аппарели. Но ничего, мы потом немцев с того плацдарма выбили и сразу